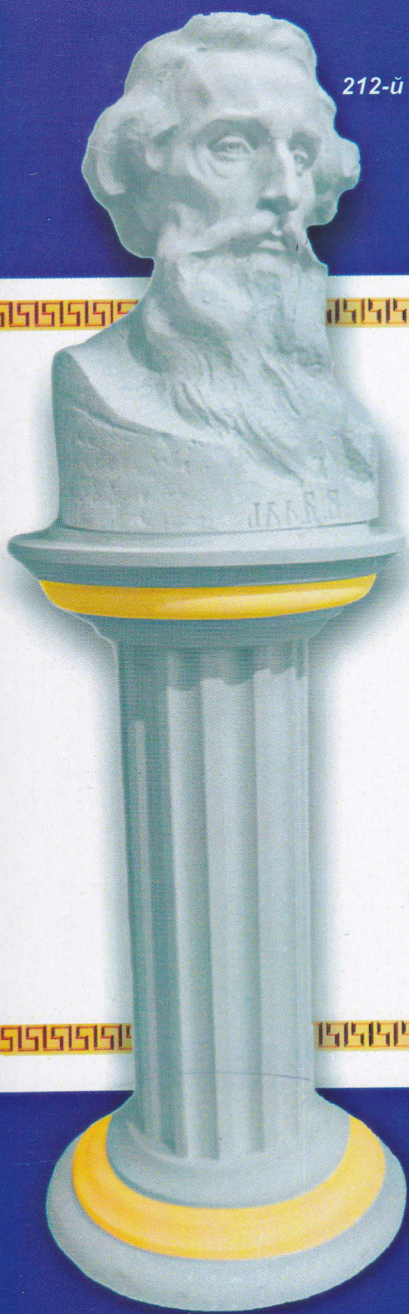

Посвящается
212-й годовщине со дня рождения Владимира Даля
и 12-летию присвоения его имени
Восточноукраинскому национальному
университету

XV

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДАЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Часть 3

ЛУГАНСК-МОСКВА 2014

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ВЛАДИМИРА ДАЛЯ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД «РУССКИЙ МИР» (г. Москва)

В. И. ДАЛЬ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Сборник научных работ

Часть третья

Луганск – Москва 2014

УДК 821.161.1 – 3.09 + 929Даль

ББК 83.3(4Рос) – 8Даль

Д–15

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Международного фонда «Русский мир» (г. Москва).
(Грант 1087Гр/П-139-13).*

Рекомендовано Учёным советом
Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля
(протокол № 2 от 18 октября 2013 г.)

Рецензенты:

- А. А. Галич*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы и компаративистики ГУ «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»;
А. С. Киченко доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, зарубежной литературы и методики преподавания Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого.

Редакционная коллегия:

- А. Л. Голубенко*, ректор, член-корреспондент АПН Украины, доктор технических наук, профессор;
Н. А. Евдокимов, доктор исторических наук, профессор;
И. П. Зайцева, доктор филологических наук, профессор;
В. П. Михайлюк, доктор исторических наук, профессор;
В. Г. Нагорный, доктор социологических наук, профессор;
Ю. И. Осенин, доктор технических наук, профессор;
Г. П. Щедрова, доктор политических наук, профессор;
О. Е. Крsek, кандидат педагогических наук, доцент.

Ответственный редактор:

Н. Л. Юган, директор Центра далеведения, доктор филологических наук, доцент.

В. И. Даль в мировой культуре: сб. науч. работ. – Часть третья. – Д–15 Луганск – Москва: изд-во ВНУ им. В. Даля, 2014. – 338 с.

В сборнике научных работ, составленном по итогам XV Международной научно-практической конференции «В. И. Даль в мировой культуре», рассматриваются актуальные вопросы современной филологической науки и методики преподавания.

Сборник адресован широкому кругу читателей: студентам-филологам, магистрантам, аспирантам, преподавателям средних специальных и высших учебных заведений, а также всем, кто интересуется наследием В. Даля.

*Ответственность за достоверность материалов, приведённых фактов,
правильность цитат и ссылок несут авторы статей.*

УДК 821.161.1–3.09+929Даль

ББК 83.3(4Рос) – 8Даль

© Восточноукраинский национальный университет имени Владимира Даля, 2014

Зубарь Д. А.

СЛОВО ЖИВОЕ И МЁРТВОЕ: В. ДАЛЬ И Ф. СОЛОГУБ

Трудно представить себе более далёкие друг от друга фигуры в русской литературе, чем В. Даль – автор «Толкового словаря живого великорусского языка» и Ф. Сологуб – поэт-смертяшкин, автор романа «Мелкий бес», первого декадентского романа в русской литературе. Творчество первого вдохновлено оптимизмом золотого века русской литературы, предчувствием расцвета русской словесности, в произведениях второго царит дух пессимизма и отчаяния рубежа XIX – XX веков. Язык Даля – язык здоровой полнокровной стабильности, в языке Сологуба слышен полубред предсмертной лихорадки, страх надвигающейся катастрофы. Даже самые скромные сведения из области русской литературы позволяют заключить, что говорить об этих личностях возможно лишь в рамках оппозиций. Тем не менее, оппозиция – это лишь противоположные полюса единого основания. Таким основанием в данной статье будет слово как концепт, как единица языка и как художественный образ в творческом сознании В. Даля и Ф. Сологуба.

Целью статьи является рассмотрение слова как ключевой категории русской духовной культуры в творчестве В. Даля и Ф. Сологуба.

Слово является центральным концептом русской культуры, одной из её ключевых духовных категорий. Со словом связывается вера в будущее русского народа. Яркими примерами этому могут служить хрестоматийное стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Русский язык»: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, - ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!..» [1] и не менее известное патриотическое стихотворение А. Ахматовой «Мужество»: «И мы сохраним тебя русская речь, великое русское слово» [2], где гений поэты проявляется в чутье самого сокровенного для русского народа и русской культуры. У А. Ахматовой не клас-

сический патриотический призыв – за Родину, за Отечество, за народ. В нём звучит клятва сохранить то, что делает русского русским, национальную составляющую русской личности, ту духовную связь каждого русского по духу человека с народным надындивидуальным целым, с предками и современниками. Убейте эту составляющую – и уже не нужны будут ни земли, ни свобода, потому что не будет ни родины, ни народа. Пока живо и свободно русское слово, русский народ крепок и непобедим. Неразрывная связь между языком и отчизной слышится и в часто цитируемых строках Даля: «Я полезу на нож за правду, за отчество, за русское слово, язык» (Цит. по ст. : Красников Г. «Отечество Пушкина в опасности» [3]).

В. Даль понимал и разумом, и сердцем, что русский дух жив русским словом, а русское слово оживает в речи всякого русского человека. Чем больше жизни в русском слове, тем богаче русский дух, тем выше нравственность, тем интенсивнее обогащается наше культурное наследие. Именно живому слову, живому языку Казак Луганский посвятил свою жизнь.

По мнению исследователей (А. И. Байрамукова [4], Е. И. Голованова [5]), концепт «живой» является одним из ключевых для понимания языковой личности Даля и его творчества. Этот факт не вызывает сомнений, так как слово «живой» вынесено в заглавие словаря и повсеместно встречается в художественно-критическом наследии Даля.

В контексте далевской лексикографической стратегии концепт «живой», в окружении «живой язык», «живое слово», интегрирует ряд смыслов. Во-первых, живой язык понимается как разговорный язык в противовес книжному; мудрость и выразительность народного языка противопоставляется зауми и косности языка аристократии и учёных мужей, оторванного от народной основы.

Следует отметить, что Даль не призывал использовать народный язык в чистом виде, не приравнивал его к литературному языку, но призывал не утрачивать с ним связи, не преграждать путь живительному роднику и руднику народного слова. Язык народа – руда, из которой предстоит добыть золото, но это ещё не золото в чистом виде. Однако это единственный источник золотых запасов для литературного языка. Если язык лишится народной основы, в нём останутся лишь пыль, зола и груда шлаков, псевдослов, вырод-

ков грамотейства, бессмысленных и бесстрастных, не говорящих ничего ни уму, ни сердцу.

Труд Даля направлен против пренебрежительного отношения к народному языку, который в определённых слоях ассоциировался с грубостью, пошлостью и безграмотностью, что было следствием резкой социально-классовой дифференциации России того времени. Одна из главных целей словаря – влить в «образованный» язык-«каженик» животворящую струю народных говоров, «живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целостность и красоту» [6, с. XXII].

Другой смысл концепта «живой» подразумевает связь слова с истиной и смыслом, толком. В слове должно заключаться как можно больше смысла, духовного и нравственного, оно должно содержать как можно больше мысли и чувства, передавать их тончайшие оттенки. Здесь работает принцип – ни одного бессмысленного слова. При этом смысл слова должен как вкладываться говорящим, так и пониматься адресатом высказывания. Суть толкового словаря – истолковать, то есть связать слово в нашем сознании с его смыслом. Слово должно правильно употребляться и правильно пониматься (на неправильное употребление слов Даль указывает в «Напутном слове» [там же]).

Следующий смысл рассматриваемого концепта – художественность слова. Данный вопрос рассматривается в статье Е. Мухиной «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля как художественное произведение» [7]. Несмотря на то, что в статье представлена очень смелая позиция, ряд оснований, изложенный её автором в пользу рассмотрения словаря как произведения искусства, свидетельствует о художественности как призме восприятия и толкования слова В. Далем. В этом контексте особенно ценными являются приводимые автором замечания М. Эпштейна о жанре однословия, т. е. слова, выступающего как самостоятельное произведение искусства.

Слово рассматривается и изображается Далем как элемент творческого и художественного восприятия действительности, в словаре освещается его образная сущность. Употребление слова чаще всего иллюстрируется в художественном контексте, будь это отрывок из классики или народная пословица / поговорка. Таким

образом, в словаре Даля раскрыт, усилен контекстом и синонимическим рядом художественный, творческий потенциал слова.

Последний четвёртый смысл концепта живой – это лечебная сила Словаря Даля. По мнению А. И. Байрамуковой, словарь Даля оказывает терапевтическое действие на читателя, исцеляет телесно и духовно, уму-разуму научая. Живое слово Даля дарует здоровье не только духовное, но и телесное [4]. В этом смысле Даль – не только врач, но и великий врачеватель духовных, нравственных недугов наряду с телесными, ведь только в здоровом теле бывает здоровый дух.

Личность Даля органически вписывается в многовековую традицию врача-жреца, врача-философа (как Гиппократ и Авиценна), врача-писателя (Ф. Рабле, А. Конан Дойль, А. Чехов, М. Булгаков и др.). Истинная медицина испокон веков неразрывно связана с искусством слова: литературой и философией. Слово же рассматривается как переходное, связующее звено между телом и духом. Такое восприятие слова характерно и для Даля: «Но с языком, с человеческим словом, с речью, безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека, это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом: без слов нет сознательной мысли, а есть разве одно только чувство и мычанье. Дух не может быть порочен, в малоумном та же душа — ума много, да вон нейдёт; отчего? Вещественные снаряды служат ему превратно, они искажены; дух ими пригнетён, он под спудом, а без вещественных средств этих, в вещественном мире, дух ничего сделать не может, не может даже проявиться» [6, с. XXIII].

Итак, основные смысловые компоненты «живого языка / слова» Даля включают связь с народом, истиной и смыслом, художественностью и творчеством, духовным и телесным здоровьем.

Живое слово в «Напутном слове» противопоставлено мёртвому, мертвящему слову. Лексикограф говорит об омертвлении языка, анализируя в этом контексте производные существительные от прилагательного «мёртвый» [6, с. XXVIII]. В целом «Толковый словарь живого великорусского языка» Даля направлен на борьбу с засильем мертвословия в языке, с омертвляющими язык процессами.

Теперь рассмотрим слово как идейную и художественную составляющую в художественном мире Ф. Сологуба. Словаря этот писатель не составил, однако слова образуют ключевой пласт образности в его романах, в частности романе «Мелкий бес» и трилогии «Творимая легенда», которые мы относим к декадентскому роману как жанровой разновидности. Словесная образность раскрывается на всех уровнях художественного целого этих произведений: мотивном, тематическом, идейном, проблемном, образном и стилевом.

Обратимся к роману Ф. Сологуба «Мелкий бес». Слово «слова» встречается в нём в весьма показательном окружении. Пьяная-распьяная Ершиха сыплет «ругательные слова в виде общего приветствия» [8, с. 37]. В бильярдной, где Передонов играет со своими друзьями «грубые слова» носятся в воздухе, но никто на это не обижается: по дружбе [8, с. 47]. Вслед уходящему после фарсового сватовства герою девицы Рутиловы кричат «насмешливые слова» [8, с. 55]. У исправника Передонов бормочет «несвязные слова», сидя на кресле и стараясь «шапку держать так, чтобы исправник видел кокарду» [8, с. 107].

В целом словам сопутствуют следующие эпитеты: ругательные слова, жалобные, грубые, насмешливые, сомнительные, несвязные, дурные, дерзкие, угрожающие, худые, сердитые, глупые, невнятные, слова (произнесённые в бреду) о страшном и безобразном, бесстыдные и нелепые слова, досадные, оскорбительные слова, слова нестерпимой пошлости, злые слова. И это далеко не полный перечень. Очевидно, что эмоциональное восприятие слова у Сологуба резко контрастирует с его восприятием у Даля.

Полярной противоположностью живому слову является мёртвое слово. Если первое словосочетание активно представлено в метакритическом дискурсе В. Даля (хотя, как уже было указано, лексикограф затрагивает и проблему словесной мертвечины), то второе доминирует в прозе Сологуба. В трилогии «Творимая легенда» идущие по навью тропе мертвецы произносят мертвые слова [9, с. 80-82], а королева Ортуда говорит своей подруге Афре, что люди глупы, так как умеют повторять только мертвые слова [10, с. 408-409]. В «Мелком бесе» говорится о диком галдении, которое прихо-

дит на смену умирающей живой песне, что также подразумевает смерть слова [8, с. 136].

Смысловые составляющие образа мёртвого слова в прозе Сологуба противоположны соответствующим составляющим живого слова в трудах Даля. Это – слово, оторванное от народа. На смену народу у Сологуба приходит масса, беснующаяся толпа и смутное многолюдство (особенно ярко этот образ представлен в рассказе «В толпе» [11]). Это – слово, оторванное от нравственной истины. Грубые, глупые и оскорбительные слова тому примером. Это же касается и смысла слов в целом. Передонов на протяжении романа бормочет бессвязные слова; по мере того, как его душевная болезнь прогрессирует, речь становится все более пугающей, нелепой и бессмысленной.

Эта же бессвязность слова характерна и для других героев Сологуба. Генераторами потока бессмысленных слов выступают Тишков и Преполовенский. Вершина все время ворчит (т. е. говорит злобно и неразборчиво). Марта завидует Вершиной, потому что та так многословно выражает простые вещи: «– Какая же у вас новость, поделитесь с нами, – сказала Вершина, и Марта тотчас позавидовала ей, что она таким большим количеством слов сумела выразить простой вопрос: какая новость?» [8, с. 192].

В эссе «Злые языки и альтернативные стили жизни» Г. Гастис рассматривает ненужное многословие как ключевую характеристику героев романа «Мелкий бес». Она так же отмечает словесную инфляцию, тенденцию к утрате словами своего смысла [12]. Это явление противоречит предельному лаконизму стиля Сологуба. В комментариях к изданию «Творимой легенды» А. Соболев приводит пример пародии на эту особенность стиля писателя: «Все на свете кончается, даже купание молодых девушек. Вышли. Как-то вдруг. На землю. На воздух. На. Подножие. Неба» [13, с. 465]. Данное несоответствие является основным парадоксом и ядром авторского замысла Сологуба.

Слову Сологуба также парадоксально свойственна ущербная художественность, анти- или лже-художественность (несмотря на то, что слово в литературном произведении не может быть полностью лишено художественности). Перт Матов называет поэзию Триродова (который является лирическим «я» Сологуба) дьяволь-

ским наваждением, а самого поэта-декадента – анчуткой беспятым, серым, плоским чортом [9, с. 71].

И последнее – слово Сологуба имеет не целебный, а напротив разрушительный, антитерапевтический, а часто даже смертельных эффект. В рассказе «Червяк» девочка Ванда гибнет из-за злого слова, которому она верит [14], а в рассказе «Жена умного человека» любящий разглагольствовать муж в буквальном смысле заговаривает свою жену до смерти; от его нескончаемых заумных речей в героине угасает жизнь [15].

Таким образом, в творчестве Сологуба сохраняется отношение к слову как центру духовной жизни человека и русского народа в целом, однако в его прозе изображено умирание слова, и альтернативы, орудия борьбы с этой пагубной тенденцией, в отличие от Даля, Сологуб не предлагает. Данные особенности восприятия слова Сологубом вполне могли быть вызваны социально-лингвистическими сдвигами рубежа XIX – XX веков, реформой орфографии, которую Сологуб так и не принял, изменениями в самом языке, ибо теперь кухарка могла править страной, вещать перед толпой и писать книги. Смешались социальные слои, надвигались масштабные миграции, а это влекло за собой смешение языков, наречий. С трибун на митингах заговорили и аристократы-революционеры, и доярки, и священники, и поэты, – люди с самым различным уровнем образования и культуры. В советское время появились мёртвые для русского языка и духа аббревиатуры типа «профнарторг» – явление, крайнюю и нежелательную степень которого изобразил в «1984» Дж. Оруэлл в образе новояза [16].

Вместе с тем Сологуб понимал важность народного языка, его язык богат диалектизмами. Отношение писателя к изменениям в языке, влиянию на разговорную речь чужеродных заимствований и газетного языка совпадает с далевским. А. Соболев приводит письмо к Ап. А. Коринфскому от 22 октября 1898 г., в котором Сологуб объясняет частое включение диалектных слов и выражений в свои художественные произведения: «Под влиянием газетного языка, и под тяжелым грузом усердно вносимых в язык чуждых примесей, наша речь становится какою-то тусклою, чахлою; мало у кого русская речь развертывается во всей ее силе и красоте. А между тем, в русском языке, в областных говорах, в старых книгах есть удивительные по своей красоте словечки, сочные, благозвучные, меткие, такие, которые должны были бы войти и в книжную прозу, и в разговорный язык, весьма у нас неточный» [13, с. 469].

Художественный лексикон Сологуба изобилует фольклорными мотивами и образами. В частности первоначальное название романа «Навьи чары» было изменено предположительно из-за насмешек над словом «навий» (нав – это и персонаж славянской мифологии, и диалектизм) [там же].

Любовь к живому слову и почитание Сологубом народного языка не согласуются с обилием удручающего мертвостолбия в его художественных произведениях. За редким исключением персонажи его прозы бесподобны (человеческое в них редуцировано до передела и почти не видимо за бесовским). Эти люди-черты говорят мёртвые, злые, лишённые смысла слова. Человеческий язык превращается в бесовской. Одной из причин этого явления могут быть уже упомянутые выше изменения в социуме и языке, которые Сологуб со страхом предчувствовал, воспринимал как всеобъемлющее омертвление языка и ассоциировал с нравственным и духовным вырождением народа.

Таким образом, слово как ключевая категория русской культуры, как единица языка и как художественный образ находится в центре художественной системы и мировоззрения В. Даля и Ф. Сологуба. Однако в рамках концепта слова расставлены противоположные акценты: доминантой лингвистического и художественного творчества Даля является живое слово, доминантой словесной образности у Сологуба является мёртвое слово. Оппозиция живое-мёртвое слово в творчестве Даля и Сологуба интегрирует ряд смысловых оппозиций: связь языка с народом как духовным надындивидуальным единством (у Даля) – его отрыв от народа, распад самого народа и его деградация до смутного многолюдства (у Сологуба), связь с истиной и смыслом (у Даля) – искажение смысла и бессмысленность слова (у Сологуба), художественность (у Даля) и псевдохудожественность слова (у Сологуба), его творческий (у Даля) и антитворческий (у Сологуба) потенциал, лингвотерапевтические (у Даля) и лингвометататические (у Сологуба) свойства слова.

В перспективе исследование словесной образности в творчестве Даля в рамках оппозиции живое – мёртвое слово, живой – мёртвый язык как полюса живого русского языка, а также исследование в рамках заявленной оппозиции декадентского романа как полюса мертвословия в русской и европейских культурах.

В 1972 вышла книга выдающейся переводчицы Норы Галь «Слово живое и мертвое», где автор пишет о том, что люди разучились говорить по-русски. В главе «Берегись канцелярита» автор выступает против позиции сологубовской Марты, которая завидует ненужному многословию Вершиной: «Что же удивляться, если какой-нибудь ребяёнок расскажет дома родителям или тем более доложит в классе:

– Мы ведём борьбу за повышение успеваемости...

Бедняга, что называется, с молодых ногтей приучен к канцелярским оборотам и уже не умеет сказать просто: – Мы стараемся хорошо учиться...» [17, с. 5].

Эти строки свидетельствуют о том, что та тенденция, с которой боролся Даль, ужас последствий которой живописал Сологуб, продолжалась в русском языке и после Сологуба в период СССР. Продолжается она и по сей день. В современном мире среднестатистический носитель русской культуры подвержен крайне интенсивному и агрессивному воздействию словесной мертвечины, канцелярита и прочих словесных выроdkов. Значительно упала культура телерадиовещания (уже нельзя верить дикторам в правильности их речи), а некоторые телезвезды намерено делают речь Элочки Людоедки частью своего имиджа. Отдельная тема – язык рекламных слоганов и современных песен, а также политическое вранье, так называемый «дискурс неопределённости», порождающий лжизнь и лживопись.

Видоизменяется русская речь, а с ней и духовный облик русского народа. Эта проблема также усугубляется стремительным развитием машинных языков. По замечанию М. Эпштейна в иерархии «Бог – человек – машина» точкой отсчета становится не «богоданный язык народа», а машинные языки, скоростные цифры [18], о чем писал еще Гумилев: «А для низшей жизни были числа, как домашний подъяремный скот, потому что все оттенки смысла умное число передает» [19].

На примере творчества Сологуба в нашей статье показано, что слово как элемент художественного текста и образ может омертветь и в произведениях гениального писателя / поэта, поэтому незамутнённый источник живого слова выбирать следует крайне осмотрительно. В этом смысле Далев словарь – источник поистине живой воды, который не только способен оживить современный русский язык, но и укрепить нас в вере, что такой язык не мог не быть дан великому народу!

Список использованной литературы

1. **Тургенев И. С.** Русский язык / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Избранные сочинения. – М., 1987. – С. 601.
2. **Ахматова А.** Мужество / Анна Ахматова // Ахматова А. Лирика. – М., 1989. – С. 234.
3. **Красников Г.** Отечество Пушкина в опасности : Выступление на Пленуме Союза писателей России 20 марта 2013 года [Электронный ресурс] / Геннадий Красников. – Режим доступа: <http://www.voskres.ru/idea/krasnikov.htm>. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 15.11.2013.
4. **Байрамукова А. И.** Метапоэтика и металингвистика «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля как толково-энциклопедического феномена : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Байрамукова Аджуга Измаиловна ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2008. – 26 с.
5. **Голованова Е. И.** Языковая личность В. И. Даля / Е. И. Голованова // В. И. Даль в мировой культуре : сб. науч. работ / редкол.: Н. Л. Юган (отв. ред.), Е. А. Андрущенко, А. А. Галич [и др.]. – М. ; Луганск, 2012. – Ч. 1. – С. 16–38.
6. **Даль В. И.** Напутное слово / В. И. Даль // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М., 2000. – Т. 1 : А–З. – С. 21–48.
7. **Мухина Е. А.** «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля как художественное произведение / Е. А. Мухина // В. И. Даль в мировой культуре : сб. науч. работ / редкол.: Н. Л. Юган (отв. ред.), Е. А. Андрущенко, А. А. Галич [и др.]. – М. ; Луганск, 2012. – Ч. 5. – С. 36–47.
8. **Сологуб Ф.** Мелкий бес / Ф. К. Сологуб. – М. : Правда, 1989. – 480 с.
9. **Сологуб Ф.** Капли крови / Ф. Сологуб // Сологуб Ф. Творимая легенда : [роман]. – М., 1991. – Кн. 1. – С. 7–198.
10. **Сологуб Ф.** Королева Ортруда / Ф. Сологуб // Сологуб Ф. Творимая легенда : [роман]. – М., 1991. –

Кн. 1. – С. 199-460. **11. Сологуб Ф.** В толпе [Электронный ресурс] / Федор Сологуб. – Режим доступа: http://www.fsologub.ru/lib/short-story/short-story_12.html. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 15.11.2013. **12. Hustis H.** Wicked Tongues and Alternative Lifestyles : Lyudmila, Peredonov and the Role of Language in Sologub's The Petty Demon / Harriet Hustis // The Slavic and East European Journal. – 1996. – Vol. 40, No. 4. – P. 632–648. **13. Соболев А.** Комментарии / А. Соболев // Творимая легенда. – М., 1991. – Кн. 1. – С. 461-493. **14. Сологуб Ф.** Червяк [Электронный ресурс] / Федор Сологуб. – Режим доступа: http://www.fsologub.ru/lib/short-story/short-story_1.html. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 15.11.2013. **15. Сологуб Ф.** Жена умного человека [Электронный ресурс] / Ф. Сологуб. – Режим доступа: http://www.fsologub.ru/lib/short-story/short-story_46.html. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 15.11.2013. **16. Оруэлл Д.** 1984 / Джордж Оруэлл. – Пер. с англ. В. Гольшева. – М. : ДЭМ, 1989. – 315 с. **17. Галь Н.** Слово живое и мёртвое : из опыта переводчика и редактора / Нора Галь. – Изд. 2-е. – М. : Книга, 1975. – 192 с. **18. Эпштейн М.** Дар слова : проектив. словарь рус. яз. [Электронный ресурс] / Михаил Эпштейн. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20021104_slovo.html. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 15.11.2013. **19. Гумилёв Н.** Слово [Электронный ресурс] / Н. Гумилёв. – Режим доступа: <http://ruroem.ru/gumilev/all.aspx#v-onuj-den>. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 15.11.2013.

Аннотация

Зубарь Д. А. Слово живое и мёртвое: В. Даль и Ф. Сологуб

В статье рассматривается слово как единица языка, как элемент художественного текста и как художественный образ в творческом сознании В. Даля и Ф. Сологуба. Делается вывод о том, что оппозиция живое-мертвое слово в творчестве Даля и Сологуба интегрирует ряд смысловых оппозиций: связь языка с народом как духовным надындивидуальным единством (у Даля) – его отрыв от народа, распад самого народа и его деградация до смутного множества (у Сологуба), связь с истиной и смыслом (у Даля) – искажение смысла и бессмысленность слова (у Сологуба), художествен-

ность (у Даля) и псевдохудожественность слова (у Сологуба), его творческий (у Даля) и антитворческий (у Сологуба) потенциал, лингвотерапевтические (у Даля) и лингвометастатические (у Сологуба) свойства слова.

Ключевые слова: слово, категория культуры, смысловая оппозиция, живое слово, мёртвое слово.

Анотація

Д. О. Зубар Слово живе і мертво: В. Даль і Ф. Сологуб

У статті розглядається слово як одиниця мови, як елемент художнього тексту і як художній образ у творчій свідомості В. Даля і Ф. Сологуба. Робиться висновок про те, що позиція живе – мертво слово у творчості Даля і Сологуба інтегрує ряд смислових позицій: зв'язок мови з народом як духовною надіндивідуальною єдністю (у Даля) – його відрив від народу, розпад самого народу та його деградація до смутного багатолюдства (у Сологуба), зв'язок з істиною і сенсом (у Даля) – спотворення сенсу і безглуздість слова (у Сологуба), художність (у Даля) і псевдохудожність слова (у Сологуба), його творчий (у Даля) і антитворчий (у Сологуба) потенціал, лингвотерапевтичні (у Даля) та лингвометастатичні (у Сологуба) властивості слова.

Ключові слова: слово, категорія культури, смислова позиція, живе слово, мертве слово.

Summary

D. Zubar The living word vs. the dead word: V. Dahl and F. Sologub

The subject of the essay is the word as a language unit, as an element of a literary text and as an image in the literary legacy of V. Dahl and F. Sologub. It is concluded that the opposition of the living word vs. the dead word within the works of Dahl and Sologub integrates a number of semantic oppositions: close connection of language with supra-individual national body (Dahl) vs. its disintegration with the folk, the decay of nation, its degradation to a dim mass of people (Sologub), word's connection with truth and sense (Dahl) vs. distortion of sense and senselessness of the word (Sologub), imagery and artistic nature of the word (Dahl) vs. false imagery and false / fake artistry (Sologub), word's artis-

tic (Dahl) and anti-artistic potential (Sologub), linguotherapeutic (Dahl) and linguometastatic (Sologub) properties of the word.

Key words: word, cultural category, semantic opposition, living word, dead word.

УДК 801.313.1

Ковалёв Г. Ф.

СКАЗКИ А. С. ПУШКИНА И В. И. ДАЛЬ

Вначале сказки были только фольклорные, то есть их создавал безграмотный, но мудрый народ. Сказки были устным творчеством, поэтому в них бушевала творческая вариативность. Затем сказки стали писать авторы, появилась литературная сказка. Однако чаще всего она тоже строилась на фольклорных основах.

Пушкин с детства вбирал в себя русский фольклор. Его первыми гидами в страну русской сказки были крестьяне подмосковного сельца Захарово, в котором в раннем детстве вывозили его родители на лето, слушал он сказки и от бабушки своей Марии Алексеевны Ганнибал, родовым именем которой было село Коренёвщино, что недалеко от Липецка, ранее – Воронежская губерния.

Жемчужины русского фольклора преподносились Саше Пушкину и слугой Никитой Козловым и, конечно, Ариной Родионовной Яковлевой. Причем последняя не только заложила в Сашу первые впечатления от русских сказок, песен, прибауток, но и в зрелые годы поэта служила ему верным справочником по русскому фольклору. Многие были почерпнуто поэтом и среди крестьян села Михайловского (Псковская губерния), и села Болдино (Нижегородский уезд).

К тридцатилетию своей жизни А. С. Пушкин в какой-то степени уходит в мир, отличный от мира светского быта, мира иностранщины. Его всё больше интересует родная история, жизнь и культура русского народа, не признаваемая культурой официаль-